

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК [9:355.48] (470–98) «1877/1878»

МНИМАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЙНЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В 1877–1878 ГОДАХ? (по материалам источников личного происхождения)

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории российской цивилизации
E-mail: kochukovsa@mail.ru

Статья посвящена разбору различных точек зрения на необходимость войны с Турцией, а также критические оценки русской армии и готовность России к боевым действиям. Автор рассматривает позиции различных представителей русского общества – историков Д.И. Иловайского и М.П. Драгоманова, а также представителя высшего света князя В.П. Мещерского. **Ключевые слова:** Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русское общество, восточный вопрос, армия.

S.A. Kochukov

Imaginary or Real Necessity of War with Ottoman Empire per 1877–1878? (on materials of sources of a personal origin)

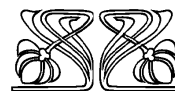
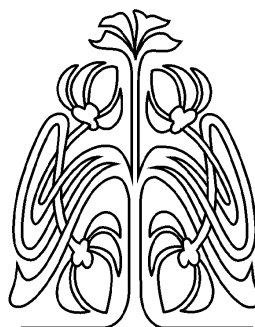
Clause is devoted to analysis of the various points of view on necessity of war with Turkey, and also critical estimations of Russian army and readiness of Russia for operations. The author considers positions of various representatives of Russian society – historians D.I. Ilovajskogo, M.P. Dragomanova; the representative of high society of prince V.P. Meshcherskogo.

Key words: Russian-Turkish war 1877–1878, russian society, vostochnyi question, army.

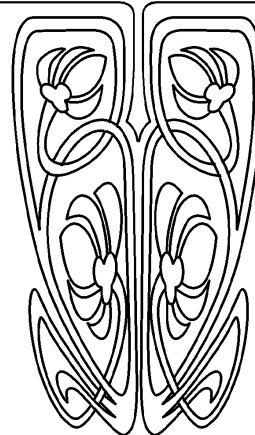
Балканский кризис 70-х гг. XIX в. имел огромное историческое значение. Распространение национально-освободительного движения славян на юге Европы остро поставило перед великими державами и Оттоманской Портой вопрос о дальнейшей перспективе народов Балканского полуострова. После столь неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг. она решительно добивалась усиления своего влияния на Балканах.

Логическим завершением кризиса стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой Россия разрешила многовековую проблему порабощения южнославянских народов.

Русское общество и правящие круги Российской империи были фактически едины в вопросе поддержки борьбы балканских народов за политическую независимость. И дело было не только в филантропических соображениях. Огромное значение при решении балканского вопроса играло желание усилить русские позиции на юге Европейского континента. Видный русский общественный деятель Д.Ф. Тютчев писал: «...Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое у нас единодушие, относиться к делу живо, чутко и горячо, и общественное мнение сильно возбуждено. Мало того, с самого начала герцеговинское восстание и до сих пор единственно русскому обществу обязано славянское дело нравственною и материальною поддержкою, единственно ему, а не русской дипломатии, обязана Россия сохранением своей чести и своего обаяния среди славян (хотя последнее в значительной степени упало). Инициатива помощи принадлежит обществу, т.е. Славянскому комитету...»¹. Таким образом, русское общественное мнение было настроено на проведение более жесткого курса в отношении Турции.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье «Юбилей народной войны»² высказывалась мысль, что из всех войн, какие вела Россия, четыре войны по преимуществу определили ее историческое бытие. Первая война была земская в 1612 г.; вторая – исторически неизбежная, императорская, Северная 1700–1721 гг.; третья – Отечественная в 1812 г.; четвертая – народная, объявленная Россией Турции. Но если в первых трех войнах Россия отстаивала политическую независимость, то четвертая война, по мнению публициста И.В. Преображенского, «это попытка решить составляющий нашу историческую будущность Восточный вопрос»³.

Но, несмотря на общее единство в вопросе помощи балканским народам в борьбе с турецким игом, в русском обществе существовали различные точки зрения на проведение самого процесса освобождения братьев-славян. Одним из первых, кто обратился в 70-х гг. XIX в. к проблеме будущей войны, был историк Дмитрий Иванович Иловайский, который был известен в дореволюционной России в первую очередь как автор многотиражных учебников по отечественной и зарубежной истории⁴. Научные труды Дмитрия Ивановича⁵ были встречены специалистами, можно сказать, в штыки. Русское прогрессивное общество конца XIX – начала XX в. уже не воспринимало великодержавные идеи как во второй четверти XIX в., что же касается историков советского периода, то труды Иловайского были отнесены к категории яро монархических, к «исклнительному русскому национализму»⁶.

Однако, помимо фундаментальных исторических трудов по Древней Руси, Иловайского интересовали события, современником которых он являлся. В частности, он обращался к теме национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии. К событиям на Балканах он, безусловно, не мог оказаться безучастным. Считается, что Иловайский впервые обратился к проблеме Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Русской Старины», где были опубликованы его воспоминания с описанием поездки под Плевну⁷. Но впервые Дмитрий Иванович затронул южно-европейский кризис на страницах газеты «Русский мир»⁸. По всей видимости, на решение Иловайского взяться за перо подтолкнули апрельские события 1876 г. в Болгарии и июльские – в Сербии и Черногории. Рассматривая очередной балканский кризис, Дмитрий Иванович стоял на позиции усиления русского влияния в данном регионе и пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к братьям по вере⁹.

Дмитрий Иванович Иловайский в своих достаточно определенных высказываниях был далеко не одинок. С древнейших времен между русским и болгарским народами существовали глубокие и многообразные связи. В период всего многовекового пребывания под османским владычеством болгары не теряли надежды на

помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Тем не менее, военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Само известие о готовившихся боевых действиях и начало войны были восприняты в русском обществе в основном доброжелательно¹⁰. Споры возникли лишь в той части, где требовалось определить задачи Российской империи. По сути, здесь можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой позиции были более идеологически сплоченными, а главное, те догмы, которые они отстаивали, были понятны буквально всем слоям русского общества. Определить эту точку зрения можно так – предстоящая русско-турецкая война – это «борьба за идею». По сути, авторами этой позиции являлся своеобразный дуэт Мещерского и Иловайского. В своей работе «Правда о Сербии» В.П. Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией: «...Божьей милостью война за идею»¹¹. Диаметрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людьми, сомневающимся в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочитать хотя бы частицу писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно, это сочувствие в том виде, а каком оно проявляется»¹². В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне¹³.

Не стоит также забывать о влиянии русской прессы. Газета «Одесский листок» в апреле 1876 г. сообщала на своих страницах, что в Пловдинском округе убито около 2 тыс. человек и что «избиение христиан продолжается»¹⁴. Однако русская пресса не только «нагнетала истерию», как это может показаться на первый взгляд, но и требовала от российского правительства активного вмешательства в балканские дела. Петербургские газеты «Голос», «Иллюстрированный вестник», «Колос» публиковали специальные материалы о зверствах турок в отношении «братьев-болгар». «Кому не известны эти невиданные зверства, – писала газета «Голос», – которым подвергается болгарское население? Беспощадно истреблено шестьдесят тысяч беззащитных жителей, много женщин и девушек изнасиловано, имущество хозяев разграблено, а священники и сельские учителя закованы в кандалы и подвергаются истязаниям.... Если Россия проявит равнодушие, то она рискует поте-

рять симпатии и доверие славян»¹⁵. Влиятельный литературный журнал «Отечественные записки» писал, что «на долю русского народа выпала историческая миссия – любой ценой добиться свободы славян в Турции...»¹⁶.

Вторая точка зрения в основном была распространена среди офицеров. С одной стороны, это может показаться странным, ведь военные всегда были сторонниками решения проблем радикальными способами. В частности, кн. Мещерский отмечал: «Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: “Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно”»¹⁷. Однако не нужно забывать с какой точки зрения рассматривал войну князь Владимир Петрович. В основной же своей массе российское офицерство стояло на несколько других позициях, нежели издатель-редактор «Гражданина» и внук Н.М. Карамзина. В многочисленной мемуарной литературе, посвященной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., авторами которых являлись офицеры – участники балканских событий, неоднократно отмечалось: война – это не пикник¹⁸. Кроме того, российским офицерством предстоящие бои воспринимались еще и как смена обстановки¹⁹. Дело в том, что российский офицерский корпус переживал не лучшие времена, постоянно находясь в кризисном состоянии. Кризисное состояние ярко проявилось уже в ходе Крымской войны, а последующие затем реформы гр. Д.А. Милютина должны были реанимировать вооруженные силы и офицерство. Однако мероприятия главы военного ведомства не могли положительно себя проявить в кратчайшее время, что и обнаружилось в Русско-турецкую войну 1877–1887 гг. С одной стороны, политическая подготовка боевых действий была неудовлетворительной, силы турецкой армии недостаточно известны, а с другой – некачественная подготовка и шапкозакладательские настроения среди основной массы офицеров и солдат.

Видимо, историк Иловайский в определенной степени был знаком с положением армейских дел, особенно после неудачной Крымской войны. Несмотря на глубокое убеждение о необходимости решения России своей исторической миссии, Дмитрий Иванович неоднократно заявлял: «Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей нам борьбы... Напоминаем о том возможным еще в нашем обществе благодушным людям, которые на освобождение славян смотрят как на военную прогулку за Дунай. Нет, мы имеем дело с врагом многочисленным, а главное ловким и ехидным»²⁰.

Имелись и более критичные замечания, причем не только относительно состояния в русской армии, но и в стране вообще. Е.И. Мартынов в своей работе «Мировоззрение народа и дух армии» отмечал: «Современное состояние русского

государства весьма печально. Огромная страна, с плодороднейшей в мире почвой, доведена до того, что не в силах прокормить своего населения, которое периодически голодает и вырождается; национальные богатства переходят в руки иностранцев; во всех сферах управления процветает казнокрадство, сводящее на нет даже полезные реформы; около 4/5 населения остается безграмотным; средние и высшие учебные заведения дошли до полного развала; армия – главный предмет забот правительства, оказалась в неудовлетворительном состоянии, флота не существует; во внешней политике бездарная дипломатия ведет государство от одного позора к другому»²¹. В результате автор приходит к неутешительному выводу, что новая война приведет Российскую империю к финансовому, а затем политическому краху.

Наконец, третья точка зрения, сторонников которой было не особенно много. К таким можно причислить К.И. Воронича, который в своих воспоминаниях попытался доказать, что война на Балканах идет не по идеологическим или каким-либо другим причинам. Он также отметил призывы Иловайского, Мещерского и других к выполнению Россией своей исторической миссии и спасению несчастных братьев-славян. Рассматривая боевые действия через призму личности, мемуарист доказывал, что война ведется и будет вестись только из-за корыстных целей. Причем эти цели, по его мнению, одинаково характеризовали стран-участниц военной кампании и персоналий этой войны. Поражает описание самого состава добровольцев, желавших принять участие в боях: «... партия людей, набранных где попало: здесь были отставные старые офицеры, бывшие мастеровые, разные старые нижние чины – герои пятидесятых годов, юнкера, тоже отставные, статские с длинными волосами, в очках, костюмах неопределенного цвета от старости и медико-хирургические студенты, наиболее выделяющиеся своим видом»²². Именно такие фигуры, по мнению Воронича, и чернили образ войны²³.

Несколько особняком в вопросе о необходимости войны стоит фигура историка, публициста и общественного деятеля Михаила Петровича Драгоманова. Известный, в первую очередь как исследователь юго-западного края и русско-польских отношений, Драгоманов в 1876 г., в период нагнетания балканского кризиса, обращается к проблеме угнетения южных славян Турцией. Его перу принадлежат несколько критических работ, где разбирались причины неудач и сама подготовленность русских войск к боевым действиям²⁴. Михаил Петрович разделил русских военнослужащих на следующие категории.

1. Искренно и сознательно шедшие послужить делу народной свободы.

2. Крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли, чтобы пострадать «за веру православную» и «честный крест».

3. Русские офицеры, некоторые говорили прямо: «мне все равно», «некуда деваться», генералы, да агенты славянских комитетов²⁵.

Именно последние, по мнению Драгоманова, испортили дело апрельского восстания 1876 г. и безусловно погубят дело в предстоящей военной кампании. Одной из причин изменения сознания будущих освободителей Драгоманов видел политику сербского правительства, которое на радостях, что их в скором времени освободят, отказались от всякой власти за русскими добровольцами. В результате «наши несчастные освободители братьев от турецкого ига попали именно под иго бурбонского элемента, ничем уже не сдерживаемого и вдобавок прошедшего школу совсем уже бесконтрольного насилия на Кавказе, в Польше, во внутренней Азии»²⁶.

Но наиболее заслуживает внимания идея Драгоманова о целесообразности освобождать южных славян вообще. Исследователь проводит интересную параллель, сравнивая жизнь русского и балканских народов. Да, безусловно, в Турции господствует насилие и жесточайший режим по отношению к славянам, но «зато в Турции есть воля хоть переходить из одной гяурской секты (имеется в виду сословия. – С.К.) в другую»²⁷. Наконец, неграмотность населения – «...даже г. Катков насчитал не очень давно в Турции больше народных школ, чем в России, кроме того, розничная продажа газет в Константинополе вольнее, чем в Петербурге»²⁸. В конце своих измышлений Драгоманов приходит в результате к неутешительному выводу – Россия нуждается в действительных реформах и в прочных гарантиях их исполнения.

Еще одна проблема, с которой обязательно должна была столкнуться Россия, начиная войну с Турцией, это отсутствие четкой программы действий. Освобождение братьев-славян, провозглашение славянской свободы – это слова и ничего больше. Официальный Петербург, по мнению Драгоманова, готовит страшный подарок южным славянам под маской национального освобождения – судьбу «второй Польши». В результате чего на Балканах установится «правление классов христианских кулаков и мелких чиновников, вдобавок еще правление, не имеющее выгоды полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народ страны хоть когда-нибудь, получит то правление, какое хочет»²⁹.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. ставила все акценты. Война доказала, что все выдвигаемые российским обществом требования в определенной степени верны. Но точно спрогнозировать ситуацию никому не удалось. Безусловно, под маской «борьбы за веру» российская правящая элита решала свои задачи. В первую очередь, реваншистские. По результатам Парижского договора, Россия лишилась права иметь флот на Черном море, но согласиться с этим не могла

никак. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. как нельзя лучше могла усилить ее влияние в Причерноморском регионе. Наконец, стратегическое положение Балканского полуострова. Контролируя его, Россия могла «держать руку на пульсе» на юге Европы.

Примечания

- ¹ Цит. по.: Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 12.
- ² Новое Время. 1903. № 9377. С. 1.
- ³ Преображенский И.В. За братьев славян. СПб., 1903. С. 3.
- ⁴ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860.
- ⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884; *Он же*. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Он же*. Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же*. История России. М., 1876–1906. Т. 1–5.
- ⁶ Рогожин Н.М. Д.И. Иловайский // Историография истории России до 1917 г.: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 105.
- ⁷ См.: Иловайский Д.И. Поездка под Плевну // Русская Старина. 1883. № 2. С. 351–374.
- ⁸ См.: Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6.
- ⁹ «Если наша доблестная армия будет призвана к решению своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на стороне самого энергического образа действий. Заранее хорошо рассчитанные удары, конечно, будут исполнены быстро и решительно, не озираясь на каждом шагу по сторонам, как это было на Дунае в 1854 г. Враги пугали нас новым избиением славян при первом движении русской армии. На это можно отвечать только одно: новое избиение снимет с нас все бывшие дипломатические обязательства по данному вопросу. Чем более прольется крови беззащитных населяющих, тем радикальнее должно быть их освобождение и очищение их земли от мусульман. Впрочем, мы говорим все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграф принесет нам известия уже другого свойства. Могут завязаться переговоры; а между тем, пока черногорцы остаются в выжидательном положении, Орда успеет подавить миридитов и затем принудить Черную Гору к миру, на основаниях status quo. Англо-австрийские друзья Орды конечно не дремлют.» (Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6. С. 10).
- ¹⁰ Исключение составляет, пожалуй, только Д.А. Милютин, который считал, что если война с Турцией и нужна, то необходимо ее отсрочить насколько можно. Причину военный министр видел в том, что в случае начала боевых действий Россия может остаться в международной изоляции: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас». (Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58).
- ¹¹ Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

- ¹² Мецкерский В.П. Правда о Сербии. С. 20.
- ¹³ Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Там другой купец пишет из глуши Сибири: «Да нельзя ли всем верноподанным сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит». Тут священник дальнего прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию» (Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20–21).
- ¹⁴ Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба испытанная временем. М., 1978. С. 33.
- ¹⁵ Цит. по.: Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба, испытанная временем. М., 1978. С. 34.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20.
- ¹⁸ «...жилось плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя. ... Появились раненые, забегали санитары с носилками, слышались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад». (Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 14, 19.); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали». (Гусман. Описание действий летучих отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей нет здесь материала. Большое количество убитых и раненных. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...» (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // Военный сборник. 1883. № 4. С. 150–151).
- ¹⁹ В своих воспоминаниях А.А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь

полк по получении этого известия (объявления войны. – С.К.). Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь. ... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.)

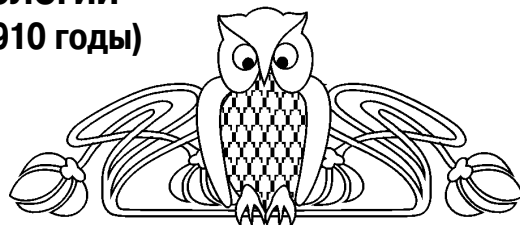
- ²⁰ Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне... С. 248.
- ²¹ Мартьянов Е.И. Мировоззрение народа и дух армии // Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам: В 2 т. М., 1879. Т. 1. С. 11–12.
- ²² Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.
- ²³ «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если придерживаться первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать ни какой цели, что в сущности и было» (Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 23).
- ²⁴ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1876; Он же. Внутреннее рабство и война за освобождение. Женева, 1876; Он же. До чего довоевались. Женева, 1878.
- ²⁵ См.: Драгоманов М.П. Турки внутренние... С. 18.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же С. 14.

УДК 94(47).083

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ХОЛЕРЫ (1885–1910 годы)

Д.В. Михель

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Статья посвящена истории становления медицинской микробиологии в царской России. С 1885 г. первые энтузиасты «микробной теории» в России при поддержке патронов науки начали развивать ее в Одессе и Санкт-Петербурге. Сформировался особый международный тип научной культуры, который был воплощен в

деятельности бактериологических лабораторий. К концу 1880-х гг. исследования микроорганизмов в России были еще далеки от интересов врачей. С начала 1890-х гг., когда по стране распространилась холерная эпидемия, она стала предметом беспокойства врачей, а первые российские микробиологи стали